

«Рихтер мне затмил все. Он играл сонаты Шуберта, и мы с подружкой на уроках обменивались записками, где вспоминали темы из сонат и были счастливы, вспоминая эти звуки. Вы понимаете, рассказать про это очень трудно. Как пересказать Пруста»

Наталья Гутман — Газете

персона

«Что до амбиций, то их у меня нет»

Наталья Григорьевна, фестиваль проходит уже в пятый раз. Как родилась его идея? Меняется ли с годами круг его участников?

Фестиваль родился четыре года назад. К тому времени в Баварии в десятый раз прошел фестиваль, посвященный Олегу, — на первом из этих фестивалей Олег даже сам играл, за несколько дней до смерти. Но в Германии средства на проведение фестиваля найти тоже тяжело, как и здесь. И если бы не наши друзья, выдающиеся музыканты, которые играли и продолжают играть без гонимых, если бы не их любовь к Олегу и память о нем, ничего бы не вышло. Туда, в Кройт, Святослав Рихтер приезжал четыре раза. О гонимых и говорить не хотел. На таких же условиях приезжал Ростропович. Несколько раз — Марта Аргерих. Плюс наши любимые друзья: Элиса Вирсаладзе, Алексей Любимов, Эдуард Бруннер... Юра Башмет каждый год приезжает: настолько связано с Олегом это место, где он провел свои последние дни. Приезжают Витя Третьяков, Василий Лобанов, Дмитрий Башкиров, молодые музыканты — наши дети и дети наших друзей. В этом году фестиваль прошел уже в пятнадцатый раз. За год до первого московского фестиваля меня в Филармонии журналисты спросили — почему в Германии есть такой фестиваль, а в России нет? Я не сильна в организации каких бы то ни было мероприятий, и мне казалось, что в Москве это сделать так тяжело... И вдруг все сложилось за рекордно короткий срок — я в конце сентября начала обзванивать друзей, и к ноябрю 2000 года мы сделали первый фестиваль. Пять концертов прошли на огромном воодушевлении, после них мы собирались, говорили об Олеге очень много, и дух был такой удивительный... этот фестиваль все хотят, его не приходится никому навязывать. Нам помогают Московская филармония, консерватория, тарусский фонд Святослава Рихтера; в этом году многие спонсоры из-за банковского кризиса на время нас оставили, поэтому мы не можем приглашать исполнителей, у которых нет настолько личного отношения к этому празднику. Иначе мы могли бы построить более разнообразную программу.

Тем не менее репертуар фестиваля расширяется — в этом году к привычному кругу композиторов добавился Валентин Сильвестров...

Мы каждый год стараемся расширять этот круг — например, 20 ноября делаем интересную программу со студентами консерватории. Там будет «Бал-маскарад» Пуленка; я сыграю сонатину Онеггера с моим старшим сыном, оба сочинения очень редко исполняются. Прозвучат Равель, Сен-Санс, будет участвовать Марк Пекарский. А к Сильвестрову я питаю огромное уважение, но сама его еще не играла, и знаете почему? Его музыка требует отсутствия суеты, в которой живешь волей-неволей. Поэтому учить его музыку, входить в нее — на это нужно много времени. Я хочу, но все время откладываю... Реквием еще не исполняли в России, я его не слышала, вы тоже? Дирижировать будет Андрус Мустонен, замечательный музыкант, живой, интересный. Он уже исполнял Реквием в Эстонии и в полном восторге от сочинения. Надеюсь на хор Калинина и оркестр Московской филармонии. На закрытии прозвучит также Моцарт, который очень хорошо с Сильвестровым сочетается. Играть будет Алексей Любимов и гобист мирового класса Франсуа Леле. Он специально приедет на этот один концерт, мне очень дороги такие порывы. И я рада, что к музыке Сильвестрова Филармония проявила интерес. Он сейчас растет во всех странах.

Вашим выступлением завершился фестиваль Альфреда Шнитке. Довольны ли вы тем, как он сложился, следили ли за ним?

Увы, нет, меня не было в Москве. Я знала, что у организаторов была масса сложностей, и слава богу, что фестиваль состоялся. В моем случае тоже имело место досадное обстоятельство — Курт Мазур заболел, не смог приехать. Он звонил мне, говорил очень простуженным голосом. Он обожал музыку Шнитке, Первый виолончельный концерт играет везде, где может. К счастью, нашелся молодой дирижер Ион Марин, который быстро подготовил программу. Я с ним играла в Севилье и уже знала его имя. Он одаренный человек, очень профессионален, оркестру он тоже понравился.

Какое впечатление на вас произвел Национальный филармонический оркестр — молодой коллектив, с которым вы не играли раньше?

В этом молодом коллективе я почти каждого знаю примерно по полвека, так что молодым его можно назвать чисто условно. Там замечательные музыканты. А чтобы оценить их как оркестр — еще посмотрим, тут очень много от дирижера зависит. Но на репетиции они работали хорошо. Возможно, они звучали немного грубовато в Большом зале Консерватории — там совсем другая акустика, чем на их репетиционной базе. Но по своему составу этот оркестр должен быть очень хорошим.

Вы начали отмечать юбилей Шнитке задолго до ноября, дав летом, в мертвый сезон, концерт из его сочинений в переполненном Рахманиновском зале. Что вас к этому побудило?

Инициатором концерта был пианист Владимир Сканави, он еще за год предложил мне такую программу. Я с радостью согласилась, потому что никогда не играла ни Вторую сонату, ни Эпилог из балета «Пер Понт». Я влюбилась абсолютно в эту музыку. Слушала оркестровую версию Эпилога и сравнивала ее с камерной: мне было интересно, какой именно материал Шнитке перенес из од-

Наталья Гутман — Газете

Сегодня в Большом зале консерватории открывается Пятый Московский международный фестиваль «Посвящение Олегу Кагану». Его основатель и художественный руководитель — вдова замечательного скрипача, выдающаяся виолончелистка Наталья Гутман. О рождении фестиваля, о выступлениях на родине и за рубежом, о преподавательской работе и о многом другом Наталья Гутман рассказала корреспонденту Газеты Илье Овчинникову.

Наталья Гутман: «Я не ожидала увидеть полный зал на программе Шнитке. Я не избалованный человек — у меня нет претензий, если зал неполон»

Фотограф: Владимир Суворов / Газета

газета

отзвук прекрасной эпохи

Любой музыкант или меломан со стажем в несколько десятилетий назовет несколько имен ныне живущих российских музыкантов, напоминающих о великой эпохе Гилельса, Ойстраха, Рихтера и по-прежнему начисто затмевающих «нынешнее племя»: Виктор Третьяков, Юрий Башмет, Василий Лобанов и, конечно, Наталья Гутман. Выдающаяся виолончелистка, лауреат международных конкурсов, профессор Московской консерватории, Гутман ни в коей мере не позиционирует себя как звезду: ей ничего не стоит, к примеру, скромно сыграть в ансамбле со студентами и аспирантами. В последние годы Гутман выступает в Москве чаще прежнего, отдавая предпочтение камерным программам и не слишком расхожему репертуару.

Иногда Гутман играет в другой. И когда играла, то в голове слышала оркестр и пыталась оправдать назначение своей партии, заменившей его. Замечательная вещь! Я пока только раз ее и сыграла. Для меня это было очень интересно — не знаю, как для слушателей... особенно что касается Второй сонаты, она поначалу мне была не очень ясна. В отличие от Первой, которую я считаю грандиозной. Сейчас она уже почти везде входит в конкурсные программы. И полный зал меня очень порадовал, это было просто как в былые времена.

Не так давно в интервью Газете Лев Маркиз рассказывал, как в свое время собирал для концертов и записей лучших московских солистов, среди которых были и вы, и Олег Каган. Чем вам запомнилась эта работа?

Воспоминание о тех временах неизбежно приукрашено ностальгическим отношением к своей молодости. Трудности были, еще какие! Но почему-то это сейчас вспоминается очень солнечно. Мы все были молодые, мы были вместе. Деятельность Левы Маркиза — очень весомый момент в музыкальной жизни Москвы, потому что у него был дар собирать вокруг себя людей, которым хотелось поиграть вместе. Получали копейки, и все равно приходили после работы, снимали помещение для репетиций где-нибудь в школе. На одном концерте в Большом зале Олег Каган сидел концертмейстером, солисткой была я. Мы собрали фантастический состав, приехал скрипач Зиновий Винников, концертмейстером виолончелей был Дмитрий Фершман. Лева занимался с людьми без всяких скидок на то, что они приходят после работы и ничего за это не получают. Был на репетициях требователен, строг, и люди иногда могли обидеться, но прощали абсолютно все. У него было огромное обаяние, отношения со всеми самые теплые и дружеские. Все недоразумения забывались, каждую удачу мы праздновали вместе. Еще дружили с Андреем Волконским, замечательным музыкантом. Два-три года мы большой компанией собирались у Андрея слушать музыку, у него было много редких произведений. По-моему, Лева последний раз играл на скрипке, когда мы на радио записывали с Андреем концерты Рамо для клавесина, скрипки и виолончели.

Как сложилось ваше сотрудничество со Святославом Рихтером, что оно значило для вас?

Это слишком долгий рассказ и слишком длинный путь. С моих четырнадцати лет вместе с Рихтером проходила моя жизнь. Я никогда не думала, не надеялась, не мечтала вместе с ним играть. Когда только начала бегать на его концерты и впервые его услышала — он играл Шуберта в Доме архитектора, — была совершенно потрясена. И стара-

лась непременно попасть на любое его выступление, в каждом клубе пробивалась в первые ряды и впитывала его игру. До этого я испытала потрясение от Бостонского оркестра, от Исаака Стерна, а потом Рихтер мне затмил все. Он играл сонаты Шуберта, и мы с подружкой на уроках обменивались записками, где вспоминали темы из сонат, и были счастливы, вспоминая эти звуки. Вы понимаете, рассказать про это очень трудно. Как пересказать Пруста.

Вы нередко даете бесплатные концерты с далеко не простыми программами: ваш недавний вечер включал Пуленку, Сен-Санса, Мясковского, Бриттена. Как рождаются такие замыслы? Соответствуют ли подобные вечера, не рассчитанные на широкую публику, вашим исполнительским амбициям?

Замыслы могут рождаться и спонтанно, и задолго... Сонату Пуленка я выучила не так давно, она мне ужасно нравится, играют ее редко. Сначала я думала, что именно могло бы пойти вместе с Пуленкой, но составила цикл как раз исходя из несхожести произведений. Теперь в этой программе вместо Сен-Санса — Рихард Штраус, и представленные четыре страны. Я ее повторю на «Декабрьских вечерах» 30 декабря. Штраус и Пуленк в чем-то близки между собой, Бриттен и Мясковский — тоже. Сонату Мясковского я давно не играла, а сейчас просто влюблена в нее. Это последнее его сочинение, в нем настолько чувствуется его натура — чистая, романтическая, скромная, красивая. Плюс Бриттен, его словами не опишешь. Мне понравилось играть такие разные сочинения. А что до амбиций, то их у меня нет. Я не ожидала увидеть полный зал на программе Шнитке. Я не избалованный человек, хотя вроде бы должна быть, — у меня нет претензий, если зал неполон. Ну и что? От полного зала может не быть той отдачи, которая будет от наполовину заполненного Рахманиновского зала. Для меня важна встреча с людьми, которые это почувствуют.

Какую часть года вы проводите за границей?

Почти каждый месяц у меня несколько гастрольных поездок. Сейчас я счастлива быть в Москве почти три недели, но это редкий случай. Обычно меньше. Раньше я преподавала в Штутгарте, но с этой осенью перестала. Я преподаю в Московской консерватории на факультете исторического и современного исполнительского искусства, и этого более чем достаточно. Поэтому я сейчас не езжу преподавать, только на концерты.

А концертов много? В какой степени вы можете определять их репертуар? Если это симфонический концерт, то мне заказывает сочинение дирижер или оркестр.

У виолончели такой репертуар, что не очень разгуляешься. Например, мне предложили концерт Дютюйе, которого я никогда не играла, хотя знаю, что он хороший, красивый. Все-таки взялась сыграть в апреле, сейчас начинаю его учить. Если меня все-таки спрашивают, что я хочу играть, я предлагаю Шостаковича, Прокофьева, Хиндемита, Лютославского, все традиционные концерты тоже. Теперь скоро и Дютюйе смогу предлагать.

Музыку XX века вообще сложно предлагать?

Шостаковича берут охотно, над Шнитке еще задумываются. Но если его предлагает Курт Мазур, то никто не откажется, сами понимаем. С Лютославским получается реже, хотя недавно меня пригласил на гастроли по Германии финский оркестр радио, дирижер Юрка-Пекка Сарасте, с двумя концертами — Лютославского и Шумана. Концерты и сонаты Шнитке играю везде, где могу, предлагаю также Кончерто грассо № 2, но его берут не слишком часто. Давно хочу выучить и сыграть Второй концерт Шнитке, концерт-симфонию Бриттена, его же вторую и третью сюиты для виолончели соло. Очень хочу выступить с Володей Юровским, которого мне хвалят. Бывают приятные неожиданности, когда не знаешь дирижера, а получается хорошо. Из наших дирижеров я очень любила играть с Джансугом Кахидзе. Среди ныне живущих — Юра Темирканов, Саша Дмитриев, Саша Скулский, Вольдемар Нельсон, Дмитрий Лисс.

Вы сейчас работаете над записями?

У меня с ними тяжелая история. Я пробовала записываться в студии, на EMI, но результат меня не устраивает. Поэтому мои последние записи — только с концертов. На фирме Live Classics, которая образована нашей приятельницей, вышло тридцать два диска Олега, несколько дисков Рихтера, Вирсаладзе и моих. Она хочет продолжить выпуск моих старых записей; сейчас мы ведем об этом переговоры с возродившейся «Мелодией». Может быть, что-то выпустим в копродукции.

Кто помимо Шнитке интересен вам из композиторов его и следующего поколений? Почему вы не исполнили ряд сочинений Денисова, написанных для вас? Он крайне обижено говорил об этом в книге «Признание Эдисона Денисова». А где его можно купить?

Я с удовольствием вам ее дарю. Правда? Спасибо огромное. Денисов мне очень интересен, но я не всегда успевала учить его сочинения, у меня бывали в жизни тяжелые периоды. Это чудо, что я вообще осталась при виолончели. Да, он обижаться умел. Хотя сейчас я играю его чаще, чем раньше. Выучила Вариации на тему Шуберта, выучила «Смерть — это долгий сон», не так давно играла сонату, три пьесы. Мне интересна Губайдулина, она написала для нас с Олегом замечательную сонату. Музыка следующего поколения я плохо знаю, хотя одно сочинение Вустина мне очень понравилось. Давно уже не было момента, чтобы я искала новую музыку, так как я хотела бы отдать ряд долгов. В первую очередь это крупный опус Раскатова для скрипки и виолончели и сочинение Тарнопольского, оба посвящены памяти Олега. Они не были исполнены, я надеюсь сыграть их на одном из будущих фестивалей.

Насколько для вас важно преподавание? Много ли времени у вас оно занимает?

Много, да. Когда я не в поездке и не готовлюсь к концерту, то каждый день занимаюсь с учениками. У меня есть остатки совести, и когда я в Москве, то пытаюсь наверстать пропущенные занятия. В материальном смысле это ноль, а в творческом — интересно, поскольку талантливых ребят много и мне хочется что-то вместе с ними сделать. Это и Александр Бузлов, и Федя Амосов, и Дима Прокофьев, и студенты из Турции. Но когда Консерватория берет деньги за обучение с граждан бывших союзных республик — это поворот в очень плохую сторону. Берут семь тысяч долларов в год, а там часто и семи-то долларов не видели. А стипендия сейчас около трехсот рублей. И поэтому талантливая молодежь уезжает в Германию, там можно учиться музыке бесплатно. У тех же русских профессоров. И это потеря нашего музыкального будущего. Зато министрам поднимают зарплату. Включая министров образования и культуры, которые будут спокойно ее получать.

Часто можно слышать, будто средний уровень исполнительского мастерства растет, но золотой век, век Хейфеца и Стерна, кончился. Вы согласны?

Отчасти да. По виртуозности «средний уровень» сейчас близок к Хейфецу и Стерну. Если взять этих ребят из Китая, Кореи, Японии, то часто невозможно понять, как семилетний мальчуган может играть вещи, для исполнения которых раньше считалось необходимым окончить Консерваторию. Не понимаю, как можно в пять или в семь лет пройти путь, который раньше проходили к двадцати пяти годам: выходит только что родившийся человек и играет концерт Чайковского. Это, наверное, организация мозга другая, ведь техника идет из головы, а играют они блестяще, с лирикой, с темпераментом. Но ты все равно видишь аномалию в том, что маленький мальчик берет за концерт Брамса или Бетховена. Все у него получается, но это ненормально как-то. Так что уровень сейчас задают виртуозы с Востока. Там богатые люди очень заинтересованы в том, чтобы через музыку, через искусство поднимать престиж страны. А у нас об этом давно забыли. У нас престиж сейчас зависит от других моментов...

На фестивале «Посвящение Олегу Кагану» регулярно выступают ваши дети. Насколько активно они играют где-то еще, играете ли с ними вы?

Мне никогда не было свойственно своих детей «тащить». Я допустила их до серьезных концертов только тогда, когда поняла, что они действительно могут. Я считаю, что не ослеплена материнской любовью, они даже обижаются, я в этом смысле с ними очень строга. Но сейчас они уже достойны этого. Мой младший сын Александр Каган — студент третьего курса Московской консерватории, учится у Сергея Кравченко. Дочь Мария Каган работает в оркестре в Португалии. Старший сын сейчас живет и в Москве, и в Америке, часто играет в ансамблях. Мы при любой возможности стараемся выступать вместе: теперь мне хочется играть побольше двойных концертов и сонат, а сейчас он стал меня устраивать как партнер. После игры с Олегом мне очень трудно играть со скрипачами. Есть исключения: Витя Третьяков, Коля Блахер и мой старший сын Святослав Мороз.